

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РАСКУЛАЧИВАНИЯ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ НА УРАЛЕ¹

Проведенное исследование позволяет определить состояние семейных отношений в Уральском регионе в период коллективизации, раскулачивания и ссылки состоятельных крестьян в 1930-е гг. Данный анализ будет способствовать выявлению основных тенденций проводимой властями политики по изоляции и разрушению семьи наиболее трудолюбивой части сельского социума, в целях утверждения социалистических преобразований деревни. Изучение данной проблемы проводится на основе материалов Урала, территория которого стала одним из основных мест расселения ссыльных крестьян страны. В результате проведенного исследования выявлено, что с использованием административных ресурсов и силовых методов партийно-советским, правоохранительным органам удалось осуществить широкомасштабную акцию по раскулачиванию и переселению состоятельных крестьян в спецпоселения. Это привело в большинстве случаев к распаду семей. Властные структуры проводили целенаправленную работу среди детей спецпереселенцев по отказу от своих родителей. На это были направлены меры по идеологическому перевоспитанию молодежи в учебных заведениях, пропаганде советского образа жизни через средства массовой информации, привлечению к общественной деятельности. Восстановление в гражданских правах использовалось для дальнейшего раскола семей ссыльных. В местах ссылки создавались невыносимые условия для проживания, особенно на первом этапе: отсутствовали элементарное жилье, медицинское обслуживание, обеспечение продовольствием и промтоварами. Ссыльные крестьянские семьи находились на грани выживания, прежде всего в неурожайные годы. Нарушения прав человека негативным образом сказались на демографической ситуации в Уральском регионе.

Ключевые слова: семья, раскулачивание, ссылка, Уральский регион, спецпоселения

Актуальность проведенного исследования вызвана необходимостью для исторической науки и демографии выявить положение семьи в весьма непростой период отечественной истории. В 1930-е гг. начался ускоренный процесс коллективизации, который коренным образом повлиял на семейные отношения в деревне. Уральский регион представляет собой уникальный пример, дающий возможность проследить, как во время раскулачивания и последующей ссылки разрушались традиционные семейные устои.

В исследование демографических проблем крестьянства в период раскулачивания и ссылки значительный вклад внесли Г.Е. Корнилов, В.Б. Жиромская, В.Н. Земсков, Н.А. Ивницкий и другие ученые [5; 6; 7; 8;

¹ © Филатов В. В. Текст. 2018.

10; 11]. Дальнейшее изучение данной проблематики на региональном материале позволит лучше понять демографические трансформации, происходившие в сельском социуме.

Относительно зажиточные крестьянские семьи, так называемые кулаки, в начале 1930-х гг. подверглись тяжелым испытаниям. В зависимости от утвержденных властями категорий кулаков одни из них оказались без близких родственников, отправленных в места заключения или расстрелянных, другие крестьяне направлялись в ссылку, третьи переезжали в необжитые места своего региона. В такой сложной ситуации приходилось принимать решения о дальнейшем существовании семьи.

На примере Курганского округа Уральской области видно, что порой приходилось жертвовать многим в жизни, разрушая семейные узы. В Куртамышском районе Курганского округа были отмечены случаи отказа от родителей, мужей-кулаков. В Масловском сельсовете демобилизованный красноармеец, который участвовал в организации колхоза, публично на общегражданском собрании заявил: «Моего отца надо выселить, он эксплуататор-кулак, я с ним порвал всякую связь и общественно от него отрекаюсь». В Жилинском сельсовете Чашинского района бедняки женились на дочерях кулаков, намеченных к выселению, но административная часть отказывала в регистрации этих браков. В с. Юргамыш инвалид Гражданской войны, пенсионер, имел жену — дочь кулака. Собрание решило его жену выселить, а пенсионеру воспитывать детей в советском духе. Некоторые кулаки приходили в сельсовет и со слезами просили выселить без семьи. Жены же заявляли, что готовы к расстрелу на месте, а с детьми никуда не поедут.

В Чесноковском сельсовете Мокроусовского района наметили к высылке кулака, у которого зять являлся батраком и жил в его доме. Этот батрак и его жена к высылке намечены не были. Когда обсуждали вопрос о выселении кулаков на общем собрании, батрак выступил с таким заявлением: «Тестя надо выселить, он действительно кулак, да мне и жену не жаль, только с детишками неудобно, если можно, то оставьте, а нельзя, так черт с ней» [15, с. 34, 42–43, 45–46, 53].

Некоторые раскулаченные фиктивно разводились, чтобы оставить имущество своим женам. В Уральской области жена раскулаченного подала иск о возвращении ей конфискованного имущества мужа, мотивируя это тем, что сама она не крестьянка, а рабочая. Однако иск отклонили в связи с тем, что в последние пять лет до раскулачивания она жила и работала как крестьянка и жена кулака [20, с. 272].

Распад семей зажиточных являлся преднамеренной акцией, предпринятой властями с целью не только изолировать этих крестьян от остального сельского социума, но и внести внутрисемейный разлад. Тем самым оказывалось психологическое давление на состоятельных сельских жителей. В семье необходимо было сделать выбор: или разделить участь высылаемого, или отказаться от него. Одни отрицали свою прошлую семейную

жизнь сознательно, другие же, учитывая сложившиеся обстоятельства, на семейном совете решали создать видимость разрыва, для того чтобы избежать тягот жизни в условиях неволи, а позднее воссоединиться.

Раскулаченные семьи претерпевали большие невзгоды, добираясь до мест расселения. В Тюменском округе только при одном этапировании выслаемых кулаков регистрировали десять случаев смерти детей. Из Челябинского округа отправили в ссылку двух женщин вскоре после родов, у одного ребенка даже еще не заросла пуповина [15, с. 67]. На пути следования от Тюмени до Тобольска были случаи, когда дети при морозе 40 градусов замерзали и их выбрасывали на дорогу. Имелись случаи мародерства и изнасилований ссыльных девушек милиционерами [13, с. 133–135].

Средний состав семьи, выселенной на Урал, равнялся 4,2 человека, из них трудоспособные составляли 37,9 %, то есть в семье было 1,6 работника, хотя по установке центра соотношение трудоспособных и нетрудоспособных среди спецпереселенцев должно было составлять 6 к 4 [16, с. 15]. В феврале 1930 г. по разнарядке полномочного представительства ОГПУ в Уральской области по первой категории выселили 4685 семей кулаков, которых арестовали и поместили в концлагеря, по второй категории выселили 15,2 тыс. семей. В каждой семье насчитывалось 6–9 человек [2, с. 140–141].

Урал стал одним из главных мест ссылки для раскулаченных семей всей страны. Только с 15 марта по 10 мая 1930 г. в Уральскую область из других районов СССР было выселено 17195 кулацких семей (82 495 человек), и 14675 семей (66 184 человека) переселили с юга области. Всего Уральская область расселила 31,9 тыс. семей (148,7 тыс. человек), из них детей — 57,5 тыс. [13, с. 154].

В циркуляре ПП ОГПУ по Уралу 24 января 1931 г. указывалось, что выселению не подлежали: семьи, где отсутствовали трудоспособные мужчины до 50 лет, семьи ранее ошибочно раскулаченные, семьи, члены которых в то время служили в Красной Армии, семьи красных партизан¹. В Уральской области приняли инструкцию о порядке переселения кулаков из районов области. В ней указывалось, что выселялись все кулацкие семьи, в составе которых имелся хотя бы один трудоспособный мужчина в возрасте от 18 до 55 лет. Выселению подлежали и те кулацкие семьи, из которых сбежали трудоспособные мужчины, но при условии наличия трудоспособных женщин в возрасте 20–40 лет, не имевших детей до четырех лет². По сведениям Н.А. Ивницкого, в конце 1931 г. на Урале расселили 130,1 тыс. семей (540,8 тыс. человек) [10, с. 223].

В апреле 1932 г. вышел циркуляр ОГПУ «О производстве выселения кулацких семей в 1932 году». Кулаков, проходивших по делам, срок по которым составлял до трех лет заключения в концлагере, предусматривалось направить в спецпоселки для соединения со своими семьями,

¹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 22. Л. 16–16 об.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165. Л. 60–63.

находившимися в спецпоселениях. Запрещалось отправлять больных членов кулацких семей. Дети кулаков до 14 лет оставлялись у родственников или знакомых. На иждивении родственников и знакомых следовало оставлять нетрудоспособных и престарелых членов кулацких семей. Кроме того, не допускалось разъединение членов одних и тех же семей [13, с. 554–556].

Размещение спецпереселенцев на Урале на 1 января 1932 г. составляло 36,7 %, на 1 июня 1938 г. — 24,2 % от всех высланных в стране спецпереселенцев [8, с. 118]. На соединение со своими семьями в кулацкую ссылку прибыло в 1934–1938 гг. 31,4 тыс. свободных граждан, из них в Свердловскую и Пермскую области — 7,9 тыс., в Челябинскую область — 2,6 тыс., в Башкирию — 0,9 тыс. Если в 1930–1931 гг. на каждую крестьянскую семью в спецпоселении приходилось в среднем 4,7 человека, то к 1940 г. — 3,8 [6, с. 42, 47].

Родственники и знакомые, приезжая к ссыльным, иногда привозили им документы, что помогало при побеге. Кулаки получали помощь в организации побега и от местного населения. Люди, приезжавшие на свидание, зачастую вывозили детей. Только за десять дней июля 1930 г. из Уральской области было вывезено 500 детей [13, с. 493, 683].

Рождаемость в спецпоселках была невысокой и составляла от 1,4 % (к состоявшим на учете в Уральской области на январь 1932 г.) до 1,9 % в Башкирии. Через год эти показатели изменились: 1,1 % и 1,3 % соответственно. Влияние на и без того низкую рождаемость оказали голод в стране и на Урале и условия проживания спецпереселенцев. Смертность среди них была высокой, особенно в 1932 г. в Уральской области (11,9 % к состоявшим на учете вместе с прибывшими), а в Башкирии — 4,7 % [14, с. 739; 2, с. 50–51].

Условия для проживания высланных семей были очень тяжелые. В 1931 г. в Уральской области была построена лишь половина необходимого для спецпереселенцев жилья. К зиме 1932 г. из запланированных 36,5 тыс. домов имелось только 21,1 тыс., в которых проживало 97,7 тыс. семей. Остальные 32,3 тыс. семей ютились в крестьянских семьях, в бараках и других временных помещениях [10, с. 243]. На предприятиях, где работали спецпереселенцы, в основном строились бараки стандартного типа, а на новостройках — поселки. Все жилища возводились наспех, из сырого леса, недостаточно утепленными, с отсутствием вторых зимних рам. В ряде мест, как в Магнитогорске, спецпереселенцы жили в землянках.

Санитарное состояние жилья вызывало тревогу у Наркомата здравоохранения. Из-за отсутствия кладовок в бараках и избах спецпереселенцы держали нужную и ненужную одежду возле себя. Семьи в бараках не были отделены. В бараках находились только нары, причем люди спали и под нарами в связи с отсутствием мест. На человека приходилось от 0,05 до 1,5 м² жилой площади.

Значительное количество детей вызывало постоянный шум в бараках, и люди не могли нормально отдыхать. Дезинфекция из-за отсутствия

препаратов не производилась. Недостаток вошебоек приводил к завшивленности одежды. Как правило, отсутствовали уборные и помойные ямы (за исключением новостроек), а имевшиеся были постоянно переполнены. Площадь вокруг жилищ была загажена, что создавало реальную эпидемическую опасность. В поселках не хватало бань. Полное отсутствие прачечных, недостаток белья приводили к частой стирке в жилых помещениях, что вело к увеличению сырости, испарениям и зловониям [16, с. 101, 103].

В докладной записке прокурору Уральской области в апреле 1933 г. сообщалось о состоянии спецссылки в Магнитогорске. В то время как жилплощадь должна была составлять 3 м² на человека, фактически она равнялась 1,74 м². В бараках отсутствовали умывальники. В большинстве бараков и саманных домах отсутствовали полы, вторые рамы не были застеклены, электроосвещение составляло 50 % потребности. 24 барака не были достроены, 12 — не имели крыш. Саманные бараки разваливались и имели течь через крышу¹. В 1930 г. у значительной части переселенцев, особенно у детей, одежды, обуви и даже мыла не хватало, что создавало крайне тяжелое положение в части медико-санитарного обслуживания [13, с. 180].

В марте 1931 г. в Яйвинском и Соликамском леспромхозах снабжение было организовано неудовлетворительно. Продуктов по нормам не хватало. По предложению Уралсовета от 11 февраля 1931 г. было решено членов семей со снабжения снять и производить выдачу продуктов питания с вырабатываемого кубометра, за счет которого и питать нетрудоспособных членов семьи. Однако нормы не выполнялись из-за отсутствия достаточной квалификации и слабого здоровья ссыльных. Поэтому высланные крестьяне не могли прокормить семью и себя. В среднем семья состояла из шести человек, из них только один трудоспособный. За выполненную норму в 5 м³ ссыльный получал 1,2 кг муки или печеного хлеба, т. е. 200 г на члена семьи. В то же время имелись семьи по 8–11 человек, а на них фонды не выделялись [19, с. 156–157]. И такое положение было повсеместно. Для членов семей спецпереселенцев в июле 1931 г. были установлены нормы снабжения для работающих в сельском хозяйстве: муки — 200 г, а для занятых в промышленности — 300 г, крупы — 25 и 30 г, рыбы — 75 г, сахара — 12 г [14, с. 707].

В Уральской области на февраль 1932 г. питание, как правило, было неудовлетворительное. Из 228 запроектированных столовых в наличии имелось 140, из 221 хлебопекарни — 140, из 368 ларьков — 31. У столовых и пекарен была незначительная пропускная способность. Особенно плохо с питанием спецпереселенцев обстояли дела на лесозаготовках, где его не хватало по количеству и качеству. Имело место полное отсутствие жиров и мяса, дети не получали молока. В Верхотурском районе было много больных, страдавших от голода, в больнице находились больные с голодными

¹ Магнитогорский рабочий. 1989. 14 июля.

отеками. Северные районы области не снабжались противочинговыми продуктами питания, что привело к заболеваниям цингой [16, с. 102].

По информации чекистов в апреле 1933 г., в Уральской области имелись случаи употребления в пищу павших животных, трупов, различных суррогатов. На почве недоедания отмечалось опухание людей. Встречались и случаи самоубийств. В Алапаевском районе спецпереселенка Насон, не имея продуктов, собрав обрезки от сырой кожи, которая была ей дана для починки обуви, сварила из них суп и кормила им семерых своих детей. Спецпереселенка И. Дзюба в течение целого месяца ходила по лесоучастку, вылавливала кошек и собак, их ела, а затем умерла от голода. В поселках лесотдела Башкирского металлургического завода зафиксировали случаи употребления в пищу древесины, опилок, липовой коры и других отходов деревообработки. На Урале были зарегистрированы факты трупоедства, ставшего, по мнению чекистов, умышленной провокацией со стороны антисоветских элементов ссылки [13, с. 1001]. В Надеждинском районе в марте 1933 г. А. Симаненко похитила труп, перерезала его на части с целью употребления в пищу. Группа спецпереселенцев Красноярского производственного участка ночью с кладбища похитила труп человека, изрубила его на части и употребила его в пищу [1, с. 192].

В местах ссылки положение было ужасным. Для организации медицинской помощи не хватало средств. Люди не ходили в бани из-за отсутствия денег. Все это приводило к эпидемиям. В Тагильском округе умерло за февраль-апрель 1930 г. 127 переселенцев, в том числе 97 детей, в Тобольском округе — 416 и 391 соответственно. Всего же в Тагильском округе за это время был учтен 3701 человек заболевших, из них 938 детей, а в Тобольском округе — 3066 человек и 2216 детей соответственно [17, с. 446]. Плохое медицинское обслуживание приводило к высокой заболеваемости. Так, в 1930 г. с апреля по июнь в трех северных округах Уральской области заболело 26 тыс. спецпереселенцев, из которых умерло 639¹.

Во всех северных округах переселенцы расселялись на далеком расстоянии от медпунктов, в среднем на 25–30 км, поэтому большинство ссыльных было лишено не только постоянной медицинской помощи, но порой и экстренной. Руководство Уральской области организовало дополнительно для спецпереселенцев 355 коек, пять заразных бараков с 150 койками, 32 врачебными пунктами и т. п., но этого было явно недостаточно.

Даже в Магнитогорске, относительно хорошо обеспеченном медицинской помощью для спецпереселенцев, с 20 июля по 20 августа 1930 г. из 2650 детей до 3-х лет умерло 15 %, из 4,3 тыс. детей от 3 до 8 лет — 13 %, из 4,1 тыс. детей от 8 до 14 лет — 0,5 %. Взрослых же за июнь-август умерло 106 человек [13, с. 157–159, 976]. Высокая смертность среди болевших спецпереселенцев отмечалась во всех районах Уральской области. В 1931 г. в спецпоселках Уральской области умерло 32,7 тыс. человек, а в следующем году — в 1,5 раза больше. В Башкирии за это время скончались 1090

¹ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1а. Д. 58. Л. 68.

и 1066 спецпереселенцев соответственно. Если по отношению к наличному контингенту в спецпоселках вместе с прибывшими удельный вес умерших составлял в Уральской области 6,3 % (1931 г.) и 13,1 % (1932 г.), то в Башкирии — 4,6 % и 4,7 % соответственно [6, с. 22–23]. В 1932 г. в спецпоселках Советского Союза умерло 89,8 тыс. человек, в 1933 г. — 151,6 тыс., в 1934 г. — 40 тыс., в 1935 г. — 22 тыс. человек. Смертность среди спецпереселенцев в Уральской области в 1933 г. составила 51 тыс. человек (около 15 % от общей численности) [13, с. 1051; 7, с. 6].

Руководством страны была поставлена задача не только организовать труд ссыльных кулаков, но и с помощью пропаганды и агитации, привлечения раскулаченных и их детей к общественной работе, участия в культурно-массовых мероприятиях, повышения общего образования и квалификации, политического просвещения перевоспитывать спецконтингент в духе марксистско-ленинской идеологии. Считалось важным оторвать, прежде всего, молодежь от старшего поколения, их устоявшихся традиционных взглядов на ведение индивидуального хозяйства. Ставилась задача привлечь ссыльных к общественно полезному труду, воспитывать в них социалистический коллективизм, верность идеям коммунистической партии и советского правительства. Дети ссыльных кулаков обучались в школах, которые были изолированы от молодежи, находящейся вне спецпоселков¹.

Школ для детей спецпереселенцев явно не хватало. Они не были обеспечены необходимыми школьными принадлежностями. Дети спецпереселенцев оказались в худшем положении, чем подростки, находившиеся на воле. В 1931/32 учебном году в Уральской области в спецпоселках имелось 197 школ, но не хватало 877 учителей, учебников и школьно-письменных принадлежностей [10, с. 251]. К началу 1931/32 учебного года в этой области из 36,8 тыс. детей спецпереселенцев школьного возраста (8–11 лет) обучалось немногим более тысячи. Во многих спецпоселках Магнитогорска школы не работали из-за необеспеченности учителями. В начале 1932 г. 42,2 % учителей этих поселков составляли спецпереселенцы. На 1 марта 1932 г. были учтены 31,4 тыс. неграмотных спецпереселенцев, но из них лишь 21,3 % были охвачены ликбезом [16, с. 23, 64–65].

ОГПУ было недовольно тем, что в школах спецпоселков не выдерживалась партийно-классовая линия. Так, в спецпоселке г. Магнитогорска учителя «запрещали вывешивать в классах портреты вождей революции, ... избегали вопросов классово-борьбы, ограничиваясь лишь обучением навыков и пропагандой санитарии». Один из учителей, комсомолец, на вопрос детей о причине раскулачивания ответил: «Советской власти нужна рабочая сила, поэтому выслали ваших родителей».

В то же время имелись примеры иного порядка. В п. Громовой Уральской области учительница-комсомолка добилась того, что «из бесед с детьми можно заключить, что в гораздо большей мере на них распространено

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 390. Л. 143 об.

наше влияние, чем влияние родителей». Для проверяющего «было новостью видеть кулацких детей, организованных наподобие пионерских отрядов, имеющих свой клуб с плакатами, картинками и лозунгами революционного содержания, детей, которые силами одной комсомолки-учительницы воспитываются по такому же принципу, как и дети рабочих». Помимо общеобразовательных школ, в Уральской области для спецпереселенцев создали шесть профтехшкол. Эти школы позволяли готовить квалифицированные кадры для производства, поскольку многие крестьяне были малограмотными [10, с. 252].

Первоначально детям спецпереселенцев разрешалось получать лишь обязательное среднее образование. Причины этого разъяснял председатель ЦИК СССР М.И. Калинин. На письмо Н.К. Крупской в 1934 г. он отвечал, что «по линии просвещения дети лишенцев не могут исключаться из сети обязательного образования... Что же касается приема в высшие и специальные учебные заведения, то при общей большой тяге к учебе, когда нам приходится отказывать в предоставлении мест в вузах, втузах и других учебных заведениях многим детям рабочих, служащих и колхозников, не лишенных избирательных прав, было бы неправильно давать такое указание, чтобы принимали детей лишенцев. Это не исключает, конечно, что в отдельных случаях наиболее способных и выдвинувшихся на работе детей лишенцев можно помещать в тот или иной вуз, техникум и т. п., считаю, что в печати этот вопрос поднимать нет основания» [12, с. 339]. Так ограничивалось право на получение среднего профессионального и высшего образования для детей раскулаченных. Однако ситуация изменилась в 1935 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР (декабрь 1935 г.) предусматривалось, что «детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные учебные заведения; окончивших среднюю школу допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения».

По указанию ГУЛАГа местным органам (апрель 1936 г.) трудпоселенческая молодежь, поступающая в средние специальные и высшие учебные заведения, получала освобождение из трудпоселков, но только после получения извещения учебного заведения о принятии в число учащихся. Для прохождения экзаменов трудпоселенческой молодежи разрешался временный выезд из поселков. При отсутствии в трудпоселках 8–10 классов молодежи также разрешалось сдавать экзамены вне поселка и при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения продолжить обучение уже на воле, но в близлежащих пунктах.

Постепенно дети ссыльных кулаков получали права вольных, но под контролем правоохранительных органов. Эти разрешения облегчали положение молодежи по сравнению с первоначальными ограничениями в гражданских правах. Как сообщалось в докладной записке начальника УНКВД по Челябинской области (декабрь 1936 г.), все дети трудпоселенцев учились: 1099 человек — в неполной средней школе, 915 — в

техникумах, 143 — в вузах. Весь контингент трудпоселков, за исключением лиц престарелого возраста, был обучен начальной грамоте [13, с. 585–586, 589, 595].

На перевоспитание спец(труд)поселенцев в коммунистическом духе была направлена политико-воспитательная работа в клубах и красных уголках. В Уральской области для спецпереселенцев к началу 1932 г. действовало 531 культурно-просветительное учреждение, в том числе 10 клубов, 161 библиотека, 360 изб-читален и красных уголков. При них работали 470 кружков художественной самодеятельности с 7 тыс. участниками, имелось 516 радиоточек и 35 пунктов демонстрации кино, выпускалось 100 стенгазет и пять многотиражных газет [10, с. 252–253].

Проводимые мероприятия преследовали цель противопоставления детей своим родителям, бабушкам и дедушкам. Во время перевоспитания в сознание подростков внедрялись коммунистические идеи. Предстояло сформировать новых людей, лояльных советской власти. Чтобы иметь определенные льготы и зарекомендовать себя с лучшей стороны в преданности советской власти, получить гражданские права, приходилось не только высокопроизводительно трудиться, но и проявлять активность в общественных делах.

Чтобы оградить молодежь от дурного влияния старшего поколения, ГУЛАГ ОГПУ предлагало разрешить браки спецпереселенцев с вольными гражданами, а также передавать детей спецпереселенцев на воспитание вольным гражданам, не лишенным избирательных прав. В целях отрыва молодежи от контрреволюционной части кулачества признавалось возможным восстановление в правах молодежи до истечения пятилетнего срока в тех случаях, когда она проявляла себя с положительной стороны [13, с. 286].

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) (июль 1930 г.) предлагалось при размещении семей проводить их расслоение с противопоставлением молодежи отдельным кулакам. Для молодежи планировалось создать библиотеки, организовать подписку на газеты и литературу, обеспечить общими столовыми, проводить культурные мероприятия. В ряде случаев допускалось использование молодежи в порядке добровольности на работах для местных Советов, обслуживания бедноты, создание особого вида производственных артелей и сельскохозяйственных объединений под контролем местных органов власти [17, с. 128].

Такое противопоставление молодежи и стариков давало свои результаты. Некоторые молодые люди считали себя невиновными. Они приходили в комендатуры, конторы, заявляя об отказе от родных, и требовали улучшения условий своей жизни, ее культурного обслуживания [13, с. 506].

Спецпереселенец Ф. Лобода отмечал, что живет в общем бараке, где проживают типичные кулаки и их дети, и, находясь в этой среде, невольно приобретает дурные привычки. По его мнению, «детей отсюда надо изъять, из них можно выковать стойких строителей социализма». Он

высказывался и за то, что необходимо убрать иждивенцев, которых надо кормить, а пользы от них нет. Так постепенно рушились близкие, семейные связи, происходил раскол между детьми и родителями. Отказавшись от своих родственников, можно было поступить в учебные заведения, переехать в город и жить среди свободных. Формировался новый советский человек, чуждый крестьянским духовным ценностям. Не все дети спецпереселенцев шли по такому пути, но льготы, установленные для порвавших с прошлым, порой были важнее прежних семейных уз. Возможно, иногда и старшие были не против того, чтобы дети выбрались из спецпоселений, на словах отрекшись от родителей.

В докладной записке ПП ОГПУ по Уралу (март 1932 г.) как о положительном явлении сообщалось, что «старые семейные традиции начинают расшатываться, молодежь выходит из-под влияния стариков, имеется ряд случаев, когда молодежь подает заявление, в которых отказывается от своих родителей, называя их врагами социалистического строительства (Остяко-Вогульский округ, Магнитогорск). С другой стороны, старики-кулаки стараются удержать в своих руках власть в семье, сопротивляясь всем новшествам в быту» [16, с. 115, 162].

Дети трудпоселенцев перевоспитывались в интернатах и детских домах. В. Бушманов, воспитанник Красно-Вишерского детдома Чердынского района Свердловской области, рассказывал в 1934 г. в письме Н.К. Крупской, что их хорошо кормят, одевают, обувают и учат. Дети все сироты, привезены с Севера. Их родители высланы, раскулачены и умерли. Ребенку было обидно, что его обзывали спецпереселенцем, хотя он «перевоспитался на новый лад» [12, с. 335].

Как отмечалось в докладной записке заместителя начальника ГУЛАГа в ноябре 1936 г., произошли изменения в настроениях молодежи. Культурно-воспитательная работа оторвала молодежь от антисоветски настроенных стариков. Молодежь организовала самостоятельные сельскохозяйственные артели, бригады на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Повсеместно стали создаваться молодежные общежития. Молодежь принимала активное участие в трудовом соревновании, в ударничестве, в стахановском движении [13, с. 806].

В спецпоселке Бурмантово молодежь на собрании вынесла резолюцию: «Переселенческая молодежь Бурмантовского лесопункта, работая на Урале 8 месяцев среди пролетариата, вполне убедилась в ошибках своих отцов и заявляет, что мы проклинаям старый быт, и как один, изъявляем желание защищать интересы СССР» [14, с. 724].

В качестве поощрения за добросовестный труд, лояльность советской власти, активную общественную работу спецпереселенцев могли восстановить в правах [18, с. 30]. 15 мая 1931 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) рассмотрела вопрос о гражданских правах спецпереселенцев и вынесла решение: «Если данный спецпереселенец выполняет все постановления Сов. власти, ведет себя, как честный работник, то по истечении

5-ти летнего срока с момента переселения он получает право голоса и все гражданские права» [9, с. 179–180].

3 июля 1931 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков». Выселенные кулаки восстанавливались в правах по истечении пяти лет при условии, что они в течение этого срока докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства. Требовалось также показать себя на деле честными и добросовестными тружениками [4, с. 464–465].

В августе 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о возвращении гражданских прав молодежи из спецпереселенцев до истечения установленного для этого пятилетнего срока, но через месяц отложило собственное постановление [3, с. 195]. На заседании комиссии «по разработке мероприятий по закреплению спецпереселенцев в местах расселения» (август 1931 г.) решили, что молодежь, достигшая 18-летнего возраста и проявившая себя с положительной стороны, до истечения пятилетнего срока могла восстановиться в правах. Для того чтобы оторвать молодежь от контрреволюционного влияния стариков, предлагалось создавать особые молодежные бригады на производстве, вовлекать молодежь в соревнование, прикреплять к молодежным бригадам политруков, разрешалось досрочное освобождение молодежи из спецпоселков за ударную работу, вводилось первоочередное снабжение молодежи литературой. Для молодежи организовывались кружки по повышению квалификации, спортивные и др. [13, с. 279].

Начиная с 1932 г. стали восстанавливать в гражданских правах некоторых раскулаченных. Освобождению подлежали жены умерших в ссылке мужей и те, кто добросовестно выполнял мероприятия советской власти [16, с. 27]. Но не просто шло восстановление в правах ссыльных. Вместо предлагаемого ОГПУ досрочного восстановления в правах 2 тыс. спецпереселенцев, проявивших себя честной работой, высокой производительностью труда, лояльностью и поддержкой мероприятий советской власти, Президиум ЦИК СССР в мае 1932 г. восстановил в гражданских правах только 931 спецпереселенца, в июне 1932 г. — еще 820 человек. Особое внимание обращалось на детей кулаков. 17 марта 1933 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков». Дети высланных кулаков, как находившиеся в местах ссылки, так и вне ее и достигшие совершеннолетия, восстанавливались в избирательных правах районными исполкомами по месту их жительства при условии, если они занимались общественно полезным трудом и добросовестно работали.

С мая 1934 г. началось массовое восстановление трудпоселенцев в гражданских правах, а с января 1935 г. — в избирательных правах, но при соблюдении ряда условий. Постановлением ЦИК СССР «О порядке

восстановления в гражданских правах бывших кулаков» (27 мая 1934 г.) спецпереселенцы, проявившие себя, безусловно, честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий советской власти, восстанавливались в гражданских правах по истечении пяти лет со дня высылки по представлению ОГПУ. Областные исполкомы получили право досрочно восстанавливать в гражданских правах по представлению ОГПУ наиболее отличившихся спецпереселенцев, в особенности из молодежи, являвшихся ударниками на производстве и активно участвовавших в общественной работе [13, с. 83–85, 89, 99].

Таким образом, крестьянские семьи в условиях раскулачивания и ссылки ограничивались в правах. Семьи состоятельных крестьян были разорены и направлены в ссылку. Насильственное раскрестьянивание не только лишило семьи источников дохода, но и привело к разрушению семейных ценностей. Большинство членов семей раскулаченных покидали свои села и отправлялись вместе с мужьями, другие же оставались по разрешению властей на старом месте и владели жалкое существование. В местах ссылки проживание было экстремальным. Не имелось элементарных условий для жизни: нормального питания и жилья, медицинского и санитарного обслуживания. Немало крестьян погибло во время голода и эпидемий.

Коммунистическое перевоспитание детей ссыльных также способствовало разрыву прежних семейных отношений. Пропагандистские меры, система образования, привлечение к общественной работе, условия восстановления в гражданских правах оказывали воздействие на умы и дела ссыльной молодежи. Нередко дети отказывались от своих родителей. Таковы были реалии политики коллективизации 1930-х гг. на Урале, оставившей неизгладимый след в судьбах крестьянских семей.

Список источников

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. / сост. Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов. — Оренбург: Изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. — Т. 1. — 284 с.
2. *Базаров А.* Дурелом или господу колхозники. — Курган: Зауралье, 1997. — Т. 1. — 413 с.
3. *Гинцберг Л. И.* Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях (по материалам особых папок Политбюро ЦК ВКП(б) и «Комиссии Андреева») // Отечественная история. — 1998. — № 2. — С. 190–196.
4. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в конце коллективизации, 1927–1932 гг. — М.: Политиздат, 1989. — 525 с.
5. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. — 279 с.
6. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. — М.: Наука, 2005. — 306 с.
7. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. — 1990. — № 11. — С. 3–17.
8. *Земсков В. Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. — 1994. — № 1. — С. 118–147.
9. *Зима В. Ф.* Генрих Ягода и необъявленная война с советской деревней // Отечественная история. — 2003. — № 4. — С. 177–183.

10. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М.: Интерпракс, 1994. — 267 с.
11. *Корнилов Г. Е.* Демографические катастрофы в XX веке на Урале // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2016. — № 1. — С. 490–502.
12. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. — 352 с.
13. Политбюро и крестьянство. — Кн. 2. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 1120 с.
14. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. — Т. 3. Кн. 1. 1930–1931 гг. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 864 с.
15. Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье. (Материалы по истории Курганской области). — Курган, 1995. — 135 с.
16. Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг.: сб. док. — Вып. 1. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. — 232 с.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы в 5-ти т. — Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 927 с.
18. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: раскрестьянивание. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. — 333 с.
19. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: ссылка раскулаченных. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. — 253 с.
20. *Фицпатрик III.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 422 с.

Информация об авторе

Филатов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия, 455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38; e-mail: v.philatov@mail.ru).

Filatov V. V.

Family in the Conditions of Relaxation and the Peasant Link in the Urals

The study allows to determine the state of family relations in the Urals region during the period of collectivization, dekulakization and exile of peasants in the 1930s. This analysis will help to identify the main trends, carried out by the authorities of the policy of isolating and destroying the family of the most hard-working part of the rural society, in order to approve the socialist transformations of the village. The study of this problem is based on the materials of the Urals, the territory of which has become one of the main places of resettlement of exiled peasants throughout the country. As a result of the conducted research it was revealed that using administrative resources and force methods, party-Soviet, law enforcement agencies managed to carry out a large-scale action to dekulakize and resettle wealthy peasants in special settlements. This led in most cases to the disintegration of families. The power structures carried out purposeful work among the children of special settlers to abandon their parents. To this, measures were taken to ideologically re-educate young people in educational institutions, propagate the Soviet way of life through means of mass information, and engage in social activities. The restoration of civil rights was used to further split the family of exiles. In places of exile, intolerable living conditions were created. Especially at the first stage, there was a lack of basic housing, medical care, provision of food and manufactured goods. The exile peasant families were on the verge of survival, first of all, in lean years. Human rights violations have had a negative impact on the demographic situation in the Urals region.

Keywords: family, dekulakization, exile, Ural region, special settlements.

References

1. Agrarian development and food security of the Urals population in 1928–1934. — Vol. 1. — Orenburg, 2005. — 284 p.
2. Bazarov A. The durables or gentlemen are collective farmers. — Kurgan: Trans-Urals, 1997. — Vol. 1. — 413 p.
3. Gintsberg L. I. The mass deportations of peasants in 1930–1931 and the conditions of their existence in the northern regions (according to the materials of the special folders of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (B) and the «Andreev Commission») // Domestic history. — 1998. — No. 2. — P. 190–196.
4. Documents show: from the history of the village on the eve and at the end of collectivization, 1927–1932. — Moscow: Politizdat, 1989. — 525 p.
5. Zhiromskaya V. B. The demographic history of Russia in the 1930s: a look into the not-known. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2001. — 279 p.
6. Zemskov V. N. Special settlers in the USSR, 1930–1960. — Moscow: The science, 2005. — 306 p.
7. Zemskov V. N. Special settlers (according to the documents of the NKVD-MVD USSR) // Sociological research. — 1990. — No. 11. — P. 3–17.
8. Zemskov V. N. The fate of the «kulak exile» (1930–1954) // Domestic history. — 1994. — No. 1. — P. 118–147.
9. Winter of the VF Henry Yagoda and an undeclared war with the Soviet village // Otechestvennaya history. — 2003. — No. 4. — p. 177–183.
10. Ivnitsky N. A. Collectivization and dekulakization (early 30's). — Moscow: Interprax, 1994. — 267 p.
11. Kornilov G. E. Demographic catastrophes in the XX century in the Urals // Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. — 2016. — No. 1. — P. 490–502.
12. Society and power: 1930s. Narration in the documents. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 1998. — 352 p.
13. Politburo and the peasantry. — Book. 2. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2006. — 1120 p.
14. Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD, 1918–1939. Documents and materials. — T. 3. Prince. 1. 1930–1931. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2003. 864 p.
15. Continuous collectivization and dispossession in the Trans-Urals. (Materials on the History of the Kurgan Region). — Kurgan, 1995. — 135 p.
16. The fate of the dekulakized special settlers in the Urals: 1930–1936. Sat. doc. issue 1. — Ekaterinburg: ed. The Urals. University, 1994. — 232 p.
17. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939. Documents and materials in 5 vols. — T. 2. November 1929 — December 1930. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2000. 927 p.
18. Filatov V. V. Ural village, 1927–1941: raskrestyanivanie. — Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2010. — 333 p.
19. Filatov V. V. Ural village, 1927–1941: the link of the dekulakized. — Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2010. — 253 p.
20. Fitzpatrick S. Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s: a village. — Moscow: The Russian Political Encyclopedia, 2001. — 422 p.

Author

Filatov Vladimir Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, The Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk state technical University, professor of the Department of World History (Russia, 455000, Magnitogorsk, Lenin Ave., 38; e-mail: v.philatov@mail.ru).